

2008 год, когда закрыл тему для себя. Мне удалось по межбиблиотечному абонементу добыть на месяц микрофильм книги в четырёх томах «Жизнеописание сэра Родерика Импи Мэрчисона в письмах и документах». Этих книг нет даже в «Ленинке» (сегодня Российская государственная библиотека — ред.). Она оказалась в Фундаментальной библиотеке Академии наук СССР и имела экслибрис с печатью «Из личной библиотеки Владимира Ивановича Вернадского». Издание, естественно, на английском. Целый месяц я переписывал книги о Мэрчисоне с экрана. Когда перевёл, передо мной открылась фантастическая картина его жизни, его открытий, того, как складывалась его работа. Кстати, коллектором, таскавшим образцы пород, у него был мальчишка по имени Чарльз Дарвин. После выхода «Происхождения видов» Мэрчисон жаловался: «Дарвин три раза упомянул меня только для того, чтобы лягнуть».

Пермские школьники поставили перед своей школой №9 штучный природный камень серпентинита из зеленокаменного пояса Урала в честь Мэрчисона, отчаянного шотландца, увидевшего всю Землю с Земли. Затем екатеринбуржцы из Общества уральско-шотландской дружбы откры-

Пермь. Смыслы. Литература

Для меня Пермь — город литературный, весь пронизанный смыслами и знаками. Владимир Абашев точно сказал: «Пермь как текст». Я и выбрал город как место жительства по этому признаку. Когда мы с женой думали, куда перебраться с Дальнего Востока после завершения

А Я, ПОПЕРЕЧНЫЙ,
КОГДА ПОЛУЧАЛ
ПАСПОРТ, ВЗЯЛ
ФАМИЛИЮ ОТЦА.
ЭТО БЫЛО КАК РАЗ,
КОГДА В ЖУРНАЛЕ
«КРОКОДИЛ»
ИЗОБРАЖАЛИ «УБИЙЦ
В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ»
С КРЮЧКОВАТЫМИ
НОСАМИ

работ Суйфунской нефтяной партии, мне попался приличный тогда журнал «Молодая гвардия». Там был рассказ какого-то Астафьева с его молодой фотографией. «Останутся воспоминания», — потом он изменил название рассказа. Говорю другу своему Вадику Тихомирову: «Рассказ-

*Кофточка застенчивого цвета,
Под косыночкой — золотая рожь.
Женщина, тиха, как бабье лето,
Протянула запотевший ковш.*

*Ничего она мне не сказала,
Просто поспешила напоить.
Петь устала, говорить устала,
Только нежной не устала быть.*

Это был Алексей Решетов. Он читал очень тихо, шелестел, но его было слышно превосходно. Потом я заметил, у него были два слова: «точняк» и «фальшак». Это был такой точняк! Дело даже не в том, что мне в молодые годы странствий близок был поиск деревенского ночлега. Дело было именно в дрожи, в мурашках, которые побежали по коже, в шерсти, которая вся дыбом встала. Он прочёл ещё несколько стихотворений. Два из них я сразу запомнил — «Кофточку» и «Мы в детстве были много откровенней». Не было чем записать. Всё замело, транспорт не ходил. Я шёл домой на Конпашни, то есть Коноваловские пашни (сегодня микрорайон Садовый — ред.), сквозь пургу и шептал стихи, боясь позабыть хоть одно слово. Знаете, это было счастье. Хотя Андрей Битов и говорит, что полного счастья не бывает — не хватает или 100 грамм, или 100 рублей. Булат Окуджава тоже предпочитал говорить осторожно — не «счастье», а «любви счастливые моменты». Уже потом я попал в решетовский круг, из которого сегодня в нашем городе осталось только четверо: Надя Гашева, Дима Ризов, Ира Христолюбова да я. Один за другим ушли Роба Белов и Володя Михайлюк, лучший Лёшин друг. Можно похвастаться? Однажды Алексей Домнин сказал мне:

— Твои птичьи стихи Витьке понравились.

— Какому Витьке? Болотову?

— Астафьеву.

*Вхожу в село, ищу себе ночлег.
Его в селе найти нетрудно вроде —
Все избы одинаковы, у всех
Шатром стропила, баня в огороде.
Но я ищу — по-птичьи я свищу,
Мальчишески залиvisto. Конечно,
Я мог бы не искать, но я ищу
Шест во дворе, а на шесте скворешню.*

НАВЕРНОЕ, БУДУТ У МЕНЯ ТРУДНОСТИ С ИЗДАНИЕМ,
ПОТОМУ ЧТО В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ У МНОГИХ
ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ ПОЯВИЛОСЬ СТРЕМЛЕНИЕ
ПРЕВРАТИТЬ ИСТОРИЮ НАШЕЙ СТРАНЫ
В ТОРТ «НАПОЛЕОН», ГДЕ ВСЕ СТРАНИЦЫ СЛАДКИЕ

ли памятную доску в честь Мэрчисона на трёхметровой глыбе ракушечника, украшенной обломком гигантского аммонита, — «Великому исследователю Земли сэру Родерику Мэрчисону» на реке Чусовой, недалеко от того места, где Мэрчисон с палеонтологом де Вернейлем перевернулись на лодке в речке Серебрянке, но спасли свои бесценные полевые книжки. Мне посчастливилось участвовать в торжествах по поводу этого события. Проект уральцев называется «Открывая Землю».

то какой хороший. И фотка хорошая. Поеду в эту Пермь».

Случайно попадая в город, я по молодости не пропускал поэтические вечера. Были приличные стихи, хорошие, даже очень хорошие. А настоящие стихи... Перефразирую Цветаеву: «Я стихи узнаю по дрожи всего тела вдоль».

Как-то был вечер в Доме журналистов. Свои стихи читал парень, лучше сказать, паренёк из Березников в растянутом свитере — думаю, чего тут ждать. И вдруг!